Е.А.Берховская

НОВОЕ В ТЕМАТИКЕ ПОСЛЕСЛОВИЙ КНИГ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ СЕРЕДИНЫ ХУП В.

Предисловия и послесловия печатных книг середины ХУП столетия представляют собой источник интереснейшей информации исторического, библиографического, филологического и, прежде всего, общекультурного плана. За, казалось бы, канонической композицией и регламентированным стилем подобных произведений - разнообразие идеологических установок авторов, лейтмотивов, пронизывающих эти тексты. Активизация деятельности Московского Печатного двора по пропаганде общерусских святителей, обусловившая своеобразие печатной продукции 40-х годов ХУП века, несомненно была ориентирована на возбуждение патриотического чувства у русских православных читателей. К такого рода книгам относятся "Службы и житие Николая Чудотворца", выдержавшие практически подряд три издания 1640, 1641 и 1643 гг., "Каноны Алексею митрополиту московскому и Михаилу архангелу" 1647 г., "Канон Алексею митрополиту московскому" 1647 г., "Канон Николаю Чудотворцу" 1647 г., "Службы и жития Сергия и Никона" 1646 г. и, наконец, "Служба и житие Саввы Сторожевского" двух изданий 1649 г.

Жанр послесловий и предисловий в старопечатной русской книжности представлял авторам небывалые возможности для насыщения устойчивой литературной формы исторически актуальной проблематикой. Соотношение новаций и традиций проявлялось не только в стилистике, но и в композиции произведений, звучавших непосредственным обращением к читателям. Создатели послесловий московских печатных книг ХУП в., подобно Ивану Федорову, видели цель своей деятельности в том, чтобы "въместо житных семен духовная семена повселенней разсева-

ти"[1]. Выбор той или иной стилистической формулы, элементов композиции был задан не столько личными вкусами автора, сколько своеобразием данной историко-культурной ситуации. Предисловия и послесловия московских печатных книг 40-х гг. ХУП столетия предлагали читателям две совершенно новые для этого жанра темы, а именно: антиуниатскую полемику и проповедь грамматического учения. Последняя тема объединила тексты, "конвоирующие" три московские издания 1640-х гг. Речь идет о предисловиях и послесловии "Грамматики" Мелетия Смотрицкого 1648 г., послесловиях "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г. и "Апостола" 1644 г. Данные произведения, сопутствующие совершенно различным книгам, пронизаны единым мотивом "учения книжного", пропаганды филологических знаний. Дидактический характер подобных литературных форм был задан еще в самом начале формирования древнерусской литературы: "Слово некоего калугера" не только открывало "Изборник Святослава" 1076 г., но и служило предисловием памятника, во многом предопределяя его жанровые особенности. Однако если многократно встречающиеся библиофильские рекомендации предисловий рукописных памятников предшествующих столетий давались, как правило, на уровне обобщенных абстракций, снижаясь до практических советов лишь в отдельных случаях, то филологическая проблематика рассматривалась в предисловиях и послесловиях исследуемых книг вполне конкретно.

Послесловие "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г., по-видимому, впервые в истории Московского Печатного двора акцентирует внимание читателей на сложностях русской грамматики и орфографии. Введение подобной проблематики в круг вопросов, традиционно решавшихся авторами послесловия и предисловий московских печатных книг,

---

1 Апостол. - Львов, 1574. - Л.261.

произошло в третьем по счету издании "Служб и жития Николая Мирликийского", вышедшем 7.УШ.1643 г. [2]. Этой книге, посвященной популярнейшему на Руси святому, предшествовали два издания 5.ХП.1640 и 20.IУ.1641, не включавшие каких-либо филологических концепций.

"Службы и житие Николая Чудотворца" 1643 г. завершает развернутое послесловие четырехчастной композиции. Первая часть представляет собой славословие богу, "в разумение приведшему" царя Михаила Федоровича приступить к напечатанию данной книги ("Иже не изреченною мудростию, в троице славимый бог утверди небеса...") [3]. Здесь же помещен и краткий панегирик правителю ("...благочестивому царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси самодержцу, истинному благочестия речителю об исправлении книжном") [4], рекомендация всей книги и ее главного героя ("скораго в бедах помощника и заступника к богу теплаго, великаго архиерея святителя Христова Николы Чюдотворца, архиепископа мир Ликийских...") [5], а также названа цель издания: "ко спасению душам христианского народа" [6]. Следующая часть - "объявление" - содержит сведения о начале и окончании

---

[2] Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в ХУ1-ХУП веках: Сводный каталог.- М., 1958.- С.57. (№ 166); Поздеева И.В. Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора. Первая половина ХУП в. // В помощь составителям Сводного каталога стеропечатных изданий кирилловского и глаголического грифтов: Методические рекомендации.- М., 1986. - С.46 (№ 116).

[3] Службы и житие Николая Чудотворца. - М., 1643. - Л.247.

[4] Там же. - Л.247 об.

[5] Там же. - Л.247 об.

[6] Там же. - Л.247 об.

печатания книги; подобного рода тексты во второй половине ХУП в. постепенно переходят с последних листов книги на титул, в сжатом виде концентрируя основные идеи предисловий и послесловий печатных изданий предшествовавших десятилетий. Видоизменение сложившихся литературных форм уже отмечалось исследователями, так Ю.А.Лабынцев указывал на наличие во многих изданиях второй половины ХУП в. либо "титульного листа с пояснениями", либо "титульного листа с обширными пояснениями", либо "титульного листа и оборота титульного листа с обширными пояснениями" [7]. Несомненно, что подобный переход произошел под влиянием оформления книг иностранной печати, а также переводов с них, таких, как, например, "Учение и хитрость ратного строения пехотных людей" Иоганна фон Вальхаузена 1647 г. Что касается интересующих нас изданий, то "Апостолы" 1671, 1679, 1684, 1688 гг., равно как и "Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца" 1679 г. включают в себя уже не послесловия, а титульный лист с пояснениями.

За основной, "фактической" частью послесловия следует благодарность богу, позволившему завершить данное издание. Завершающий элемент композиции составляет обращение к читателям. За психологически мотивированной просьбой древнерусских книжников о снисхождении следует развитие основной темы послесловия - рассуждение о русской грамматике и орфографии. "Апостол", вышедший из московской типографии 15 января 1644 г., оканчивается послесловием (ошибочно названным А.С.Зерновой предисловием) [8], также посвященном теме русской

---

[7] Лабынцев Ю.А. Список издательских предисловий и послесловий к русским старопечатным книгам ХУІ-ХУП веков // Русская старопечатная литература: ХУІ - первая четверть ХУШ в. Кн.1: Тематика и стилистика предисловий и послесловий.- М., 1981. - С.285-289.

[8] Зернова А.С. Книги кирилловской печати...- С.58 (№ 168).

грамматики и орфографии, чрезвычайно близким только что рассмотренному тексту.

На Руси издание "Апостола" с послесловием печатников превратилось в традицию одновременно с появлением типографского дела: уже книга 1564 г. содержит послесловие Ивана Федорова, блестящий, хотя и первый образец нового литературного жанра. Необычайная "густота насыщения официальными формулами" [9] данного текста во многом определила жанровый канон русских старопечатных послесловий ХУI-ХУП вв., не примененный однако Иваном Федоровым при втором издании этой же книге во Львове. "Апостол" 1574 г. включил в свой состав послесловие первопечатника "Повесть... откуда начася и како съвершися друкарня сия", "талантливо написанную автобиографическую повесть, первое на Украине напечатанное произведение мемуарной литературы, совершенно светское по содержанию" [10]. Хотя, на наш взгляд, бесспорна принадлежность этого взволнованного повествования именно публицистическому жанру, важен сам факт признания его уникальности. Чревычайно эмоциональный тон послесловия, строго организованный рассказ, совершенство стиля, - все это в итоге доказывает, что Федоров великолепно владел не только "искусством рук своих", но и литературным мастерством. Вставка в текст произведения малого жанра авторской молитвы усугубляет впечатление "исповедальных мотивов", и без того пронизывающих "повесть". Мучительные обстоятельства изгнания первопечатников "от земли и от отечества, и от рода" своего повлияли на созна-

---

[9] Демин А.С. Русские старопечатные послесловия второй половины ХУI в. (отражение недоверия читателей к печатной книге) // Русская старопечатная литература... - С.57.

[10] Запаско Я.П., Мацюк О.Я. Львовские старопечатные книги. - Львов, 1983. - С.32.

тельное нарушение автором традиционной композиции послесловия, где вместо развернутого панегирика самодержцу помещена инвектива "многим начальникам, священноначальникам и учителям", "хотячи благое в зло превратити". Отрицательное сравнение усиливает обличение "злонравных, и ненаученых, и неискусных в разуме" людей, "ниже грамотническия хитрости навыкше, ниже духовного разума исполнени бывше". Для нас представляется чрезвычайно интересным тот факт, что Федоров на первое место здесь выделяет неспособность своих противников разбираться в грамматических тонкостях, а лишь затем говорит об их обделенности духовным разумом. Русский типограф и публицист второй половины ХУI в., получивший образование, вероятно, в Краковском университете [11], видел в незнании оппонентами грамматики проявление "злонравия", своего рода концентрата пороков в иерархии христианской этики.

Экскурс в историю печатных послесловий к "Апостолам" конца ХУI - начала ХУП вв. необходим в силу нескольких причин: во-первых, важности самой книги для русского книгопечатания, а, во-вторых, если не выработки канона, то хотя бы складывания традиций послесловий соответствующего типа книг. При явном отсутствии детерминированности послесловия жанром книги, существовали несомненные, хотя и не жесткие связи этих двух текстов. Так, послесловие "Евангелия учительного", изданного Василием Бурцовым в 1639 (7148) г. дословно повторяет аналогичный текст, завершающий "Евангелие учительное", напечатанное в Москве в 1629 (7137) г. Единственное отличие послесловий этих двух книг составляет упоминание типографа издания 1639 г. -

---

[11] Немировский Е.Л. Судьбы изданий первопечатника // Вопросы истории. 1984. № 11. С.80.

"многогрешнаго раба Василия Федорова сына Бурцова" [12], сведения, облеченные в традиционную формулу, известную читателям первой половины ХУП в. по многим его книгам, таким как, например, "Азбуки" 1634 г. и "Апостол" 1638 г. Для послесловия "Евангелия учительного" характерны определенный панегирик правителю ("Михаил Федорович... своея великия державы, всея славно именитыя Русии, Московьскаго государьства и прочих государьств государь и обладатель...") [13], а также пространное изложение содержания книги. И композиция, и стилистика, и поэтика данного произведения отмечены своеобразием, заданным, вероятно, самим жанром издания. В то же время известны одни и те же послесловия, сопровождавшие совершенно различные книги, переходившие из "Миней", например, в "Апостолы". Расчлененность композиции послесловия предоставляла автору возможность построить компиляцию, опираясь на целый ряд источников. Подобным образом создавалось и послесловие "Апостола" 1644 г.

Введенный Федоровым в "Апостол" 1564 г. Зачин открывает этот текст, напечатанный 80 лет спустя: "Благоволением бога отца вседержителя и с поспешением сопрестольнаго и единороднаго сына его... и содействием пресвятаго и животворящаго духа..." [14]. Традиционна и мотивация просветительной деятельности русского царя ("Сего же ради возсия луча света всемирнаго просвещения в сердцы...") [15], ревновавшего "добродетелям древних святых". Приведенная стилистическая формула встречается в произведениях первой половины ХУП в. Существи-

---

[12] Евангелие учительное. - М., 1639. - Л.595 об.

[13] Там же. - Л.593.

[14] Апостол. - М., 1644. - Л.309.

[15] Там же. - Л.309.

тельное "сердце" и производные от него использовались русскими писателями "переходного" столетия при раскрытии темы просвещения, независимо от конкретного аспекта ее звучания. Более того, эти лексемы составляли как бы ядро возможных поэтических комбинаций. Зачин послесловия "Грамматики" М.Смотрицкого 1648 г. построен подобным образом: бог просветил "сердечные очи" царю Алексею Михайловичу, сподвигнув его напечатать книгу. Любопытно развитие этой метафоры Иваном Хворостининым: "Учение есть благоразумие просвещая очи сердечныя, опаляя неистовство самохотных стремлений" [16].

Панегирик самодержцу проповедует идею преемственности царской власти на Руси: Михаил Федорови фигурирует здесь как внук Иоанна Грозного и племянник Федорова Иоанновича. Вполне вероятно, что традиционный мотив незыблемости власти царя отразил реакцию значительной части русского общества на события Смутного времени, надолго оставшиеся в памяти народной.

Первая часть послесловия "Апостола" 1644 г., изданного в последний год правления Михаила Федоровича, не содержит каких-либо новаций, как, впрочем, и следующий за ней "фактический" отрывок о начале и завершении печатания книги. Оба фрагмента многократно употреблялись авторами послесловий книг московской печати, иногда образуя законченный текст ("Минея", май, 1626 г.; "Апостол" 1631 г.; "Апостол" 1635 г.; "Устав" 1633 г.), а в других случаях - лишь отдельные элементы композиции ("Апостол" 1621 г.; "Минея", декабрь, 1620 г.; "Устав" 1641 г.). Тексты зачина и "объявления" послесловия "Апостола" 1644 г. буквально совпадают с аналогичными элементами послесловий книг как этого же жанра ("Апостолов" 1621, 1623, 1631, 1635, 1638,

---

[16] Иван Хворостинин. Наставление о воспитании чад // Черторицкая Т.В. Красноречие Древней Руси (XI-XVII вв.).- М., 1987. - С.331.

двух созданий 1648 гг.), так и совершенно различных ("Минеи", декабрь 1620; "Минеи", май 1626 г.; "Минеи", март, 1645 г.; "Минеи", февраль, 1646 г.; "Уставов" 1633 и 1641 гг.). Развитие книгопечатания на Руси, а следовательно, и процесс жанрообразования послесловий и предисловий происходили не без влияния церковной цензуры, активизировавшейся в годы правления патриарха Филарета. Послесловия целого ряда изданий того времени содержат упоминания об освидетельствовании книг патриархом, как, например, "Минея", май, 1626 г., "Устав" 1633 г. А "Минея", декабрь 1620 г., напечатанная Иосифом Кирилловым, подлежала "двойному осмотру"; вначале патриархом Ермогеном, затем Филаретом. Послесловия изданий, вышедших из московской типографии уже по смерти Филарета, в том числе "Апостол" 1644 г., не содержат подобного рода вставок.

Начало третьей части послесловия - благодарность создателю, позволившему напечатать книгу: "Слава в троице славимому богу нашему", - представляет собой повтор заключения предшествующего текста "Объявления". Здесь же выдающиеся русские печатники оставляли авторские свидетельства, - признания собственных "снискания и трудов", "художества и трудов". Послесловия изданий "Апостола" подписаны следующими авторами: 1564 г. - Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем, 1597 г. - Андроником Тимофеевым Невежей, 1606 г. - Иваном Андрониковым Невежей, 1638 г. - Василием Федоровым Бурцовым. Однако по смерти последнего мастера эта традиция прервалась, теасты, сопровождающие московские печатные книги 1640-1650-х гг., анонимны. Данный фрагмент, как и следующая за ним основная часть послесловия "Аопстола" 1644 г., буквально повторяют соответствующие элементы текста, уже известного по изданию "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г.

Московские авторы поместили обращение к читателям лишь в заклю-

чительной, хотя и главной части послесловия, в то время как в украинской печатной традиции обращение к читателям или занимало весь текст послесловия, или же открывало цикл предисловий и послесловий. Перечисление адресатов в послесловии "Апостола" 1644 г. не является новацией: "Вас же, о богособранная чета православия, отец и братие, освященних и причет, паче и простых, и всех в благочестии преспевающих в божественных писания догматах прилежащих..." [17]. Иной вариант обращения к читателям вошел в текст "Минеи", декабрь 1620 г.: "Тем же и вси еликова, света чада и сынове евангелия, и святые церкве богособранная чета, священноначалницы, и священноиноцы, и иноцы, и священницы, и вси благочестивии народи, нам же о Христе духовнии отцы и братия..." [18]. Несомненно, расширение круга читателей ("паче же и простых") и упрощение традиционной библейской фразеологии отражают просветительно-дидактические и демократические тенденции развития русской культуры середины ХУП в. А предложенная авторами послесловий "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г. и "Апостола" 1644 г. проблематика свидетельствовала о секуляризации отдельных видов знания и отраслей науки. Многократно проводимые на Московском Печатном дворе "исправления книжные", попытки сближения грамматических норм письменного старославянского языка с формами живого русского языка [19], необходимость создания национальной грамматики, - таковы лишь некоторые из факторов, вынудивших книжников московской типографии обратиться к данной теме. Авторы послесловий этих двух

---

[17] Апостол. - М., 1644. - Л.311 об.

[18] Минея: декабрь. - М., 1620. - Л.249.

[19] Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. - М., 1958. - С.34.

изданий понимали необходимость развития на Руси филологических знаний, в первую очередь, "грамматического любомудрия", т.е. "осьмочастнаго разумения и правления в родех, в числех, в падежех, во времених, в лицех, в наклонениях" [20]. Московские книжники отчетливо сознавали всю трудность грамматики, однако заключительные послесловия посвящены необходимости ее изучения: "А грамматическаго убо сиречь осмичастей слова и разума ведение трудно, но внятельно, и смыслу сердец наших просветительно..." Психологическая мотивировка, облеченная в новозаветную фразеологию, призвана усилить пропаганду этой науки: "... без сего убо кто и мняся ведети, ничто же весть того ради учайся и внимаяи, да внимает и от прочих" [21]. Филологическая проблематика вводится авторами послесловий московских изданий как бы вынужденно, в оправдание собственных нововведений, совсем не как основная цель повествования; поэтому данные тексты отличаются от возвышенно-эмоциональных панегириков грамматике в предисловиях и послесловии книги М.Смотрицкого 1648 г., определенной взвешенностью, строгостью стиля. Стилистическое равновесие нарушается авторами лишь однажды, в случае их извинения за орфографические и грамматические нормы, отраженные в текстах послесловий: "И о сем же вас не не молим, яко да не позазрит ваша купно общаго совета совесть, егда убо узрите в письменах, яко бы решти занедовычение странность, или же в просодии, и возмытеся вы, яко ново сие и необычно, ей-ей, неново и ненами убо сия вписашася, но ово убо от древних ведущих доброписцев нашея великия Русии..." [22]. Изменение традиционной стилистики со-

---

[20] Апостол. - М., 1644. - Л.312 об; Службы и житие Николая Чудотворца. - М., 1643. - Л.246.

[21] Апостол. - М., 1644. - Л.313.

[22] Там же. - Л.312 об.

провождается здесь введением в формы книжного языка допустимого в просторечии повтора междометия "ей-ей", призванного подчеркнуть искренность авторов, заранее снимающих с себя возможное обвинение в нововведениях. Подобный прием использовался для изображения особо эмоционального состояния авторов и в памятниках более ранних ("Потом же, горе, горе! Увы, увы! Ох, ох!")[23] и в писаниях "простецов" второй половины ХУП в. ("Ни, ни, чада моя о господе!", "Ох, ох, безумия")[24]. Отсутствие в московских текстах пышных панегириков грамматике как одной из семи свободных наук, так характерных для произведений украинских риторов, объяснимо не только соответствующей книжной традицией, но и строгой функциональностью послесловий изданий Московского Печатного двора. Авторами текстов, завершающих "Службы и житие Николая Чудотворца" 1643 г. и "Апостол" 1644 г., несомненно были справщики московской типографии, поскольку при раскрытии филологической проблематики они останавливаются на орфографических нормах, отраженных в этих двух книгах.

Послесловие "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г. специально рассматривает вопрос об "ижице", выступавшей то в качестве гласного "и", то как согласный "в"[25]. Текст, составленный московскими авторами для уже следующего издания 1644 г., дополняется правилом применения "ижицы" в начале слова в качестве гласного "и". Здесь же

---

[23] Плач о пленении и разорении Московского государства // Черторицкая Т.В. Красноречие Древней Руси. - С.325.

[24] Аввакум. Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове // Черторицкая Т.В. Красноречие Древней Руси. - С.346.

[25] Службы и житие Николая Чудотворца. - М., 1643. - Л.245-246 об.

появляется новый фрагмент, посвященный норме написания "ука" и "су", хотя и подкрепленный авторитетом "древних" [26]. Источником орфографических изысканий авторов послесловий московских книг 1643 и 1644 гг. явился первый учебник славянской грамматики Мелетия Смотрицкого издания Евю 1619 г. Московские книжники, ориентируясь на формы живого русского языка, расширили и пополнили толкование двух вышеуказанных орфографических норм, не сделав при этом какой-либо попытки завуалировать исходный текст, применяя иногда прямые заимствования. Интерпретация справщиками Печатного двора двух названных норм была повторена в пятом каноне и десятом правиле орфографического раздела московского издания "Грамматики" М.Смотрицкого 1648 г. [27]. Таким образом, "филологическая" часть послесловий "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г. и "Апостола" 1644 г., восходящая к первому изданию "Грамматики" М.Смотрицкого 1619 г., послужила непосредственным источником текста второго московского издания этой учебной книги. Традиционность стиля и содержания первых трех элементов композиции послесловия "Апостола" 1644 г. являлась прикрытием, "щитом и заградой" новой для читателей московских изданий филологической проблематики. Извинения авторов послесловия "Апостола" 1644 г. за применение орфографических норм ("... ей-ей, неново и ненами убо сия вписашася, но овс убо от древних ведущих доброписцов нашея великия Русии...") [28] напоминают оправдания составителей послесловия "Лествицы" 1647 г., сознававших трудность унифицированного перевода с греческого языка ("... не нами бо сие, но отпреже нас") [29]. Оба издания "Апостола"

---

[26] Апостол. - М., 1644. - Л.312 об.

[27] Мелетий Смотрицкий. Грамматика. - М., 1648.- Л.54,55.

[28] Апостол. - М., 1644. - Л.312 об.

[29] Иоанн Дамаскин. Лествица. - М., 1647. - Л.311.

1648 г. буквально воспроизводят послесловие "Апостола" 1644 г., не включая, однако, его грамматических рассуждений. Вероятно, в то время уже отпала необходимость в разъяснении соответствующих орфографических норм, зафиксированных в тексте изданной одновременно с "Апостолами" "Грамматики". Взаимосвязь проблематики послесловий "Служб и жития Николая Чудотворца" 1643 г., "Апостола" 1644 г. с "Грамматикой" М.Смотрицкого своеобразно отразилась и в дате напечатания последней книги, увидевшей свет в день Николая Чудотворца.

Выделение подобной проблематики в послесловии нескольких московских изданий 1640-х гг. говорит не только о развитии грамматического учения на Руси, но и свидетельствует об интересе типографов Московского Печатного двора к вопросам школьного образования, деятельности только возникающих первых училищ. Книги эти были, очевидно, благосклонно приняты "верхами" русского общества, как это видно из полистной надписи на экземпляре "Апостола" 1644 г., закупленного недавно для фонда Государственного музея-заповедника "Коломенское".

ПРИЛОЖЕНИЕ

Запись 1654 г. по лл. 2 - 35 первого счета "Апостола" 1644 г.

"Лета 7162 июня в 25 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу и благословению святейшего Никона патриарха Московского и всея Русии дана сия книга Апостол тетр в ... церкви попечением господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа по душе на помин блаженыя памяти по великом господине святейшем Иосифе патриархе Московском и всея Руси, а подписал сию книгу володимирскаго Богородицкаго ... протопоп Андрей".